

из Софии в провинцию, создание еврейских концлагерей и т.д.).

На пятом этапе (лето 1943 — сентябрь 1944 гг.), когда исход войны был предрешен, болгарские власти постепенно, хотя и медленно, сокращали преследования еврейского населения, несмотря на то, что антисемитское законодательство все еще сохранялось и было отменено лишь в самом конце этого периода.

Рецензируемая книга — интересная, документально насыщенная — убедительно показывает, что спасение болгарских евреев в годы второй мировой войны явилось результатом взаимодействия внутренних и внешних факторов, главным из которых являлся сам ход и

исход войны в пользу антигитлеровских сил. При всей значимости внутренних факторов решающее значение имели геополитические факторы.

Как справедливо заключают авторы, несмотря на то, что Болгарии не удалось полностью спасти и сохранить жизнь еврейского населения страны, большинство болгарского еврейства все-таки пережило ужасы Холокоста и вернулось уже после войны на родину своих предков. В этом смысле болгарский опыт, как справедливо пишут авторы книги, был действительно уникальным.

М. СТАНЧЕВ

А.В. ГАНИН. *Атаман А.И. Дутов*. М. ЗАО Центрполиграф. 2006. 623 с.

Книга кандидата исторических наук А.В. Ганина — пример серьезного и объективного исследования. Работа написана в жанре биографии и посвящена личности одного из активных деятелей антибольшевистского сопротивления, атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта Дутова. Автору удалось не только реконструировать жизнь атамана, но и изобразить эту личность в контексте того переломного времени, на которое пришлись русско-японская и первая мировая войны, три революции и гражданская война, участником которой Дутов был со дня прихода большевиков к власти.

Исследование Ганина является первой биографией деятеля, написанной на высоком профессиональном уровне. Автор исследовал практически всю имеющуюся отечественную и зарубежную историческую литературу по данной теме — многочисленные мемуары, сборники опубликованных документов. Автор привлек огромный пласт неопубликованных архивных источников из многих российских и зарубежных архивов. Подавляющее большинство архивных материалов, использованных автором, впервые вводятся в научный оборот.

При чтении монографии встают в памяти такие полузабытые в наши дни понятия, как эрудиция автора, культура и научная глубина исследования и т.д.

До последнего времени А.И. Дутов оставался фигурой, которой историки не уделяли достаточного внимания. Объясняется это разными причинами, в том числе удаленностью от центра России региона, в котором действовал атаман, а также тем, что Дутов не был столь яркой

и знаковой фигурой, как, например, Колчак или Корнилов.

С первых же страниц книги перед читателем встает живая личность, со всеми ее качествами, сильными и слабыми сторонами, глубокими противоречиями и собственным видением сложных проблем, стоявших перед страной. Автор знакомит читателя с характером службы оренбургских казаков, родословной Дутова, рассказывает о годах учебы будущего атамана оренбургского казачества, знакомит с эпизодами его служебной карьеры в качестве офицера русской армии. Путь офицера и генерала Дутова описан автором с редкой убедительностью. Ганин рисует Дутова обычным офицером русской армии, головокружительная карьера которого вряд ли была бы возможна не произойди в России революция. «Дутова невозможно охарактеризовать однозначно с положительной или отрицательной стороны, его фигура крайне противоречива и многогранна. Как человек он, видимо, может быть назван посредственностью. В то же время те процессы, в которые он оказался вовлечен самим ходом событий 1917—1921 гг., имели определяющее значение для истории нашей страны и поэтому не только важны и интересны для изучения, но и крайне неоднозначны. Значимость этих процессов придает больший вес и фигуре самого атамана» (с. 13). С этой оценкой вполне можно согласиться.

Большой интерес представляют разделы книги, посвященные судьбе Дутова в революционное время. Приняв в целом факт падения монархии, 38-летний войсковой старшина не мог до конца смириться с разложением армии, с происходившим на его глазах распадом Россий-

ской империи и беспримерной демагогией власть предержащих. Причины «поправения» Дутова, по мнению автора, не имели ничего общего с пресловутой «реакционностью» казачества. Мысли автора на этот счет позволяют достаточно убедительно и по-новому взглянуть на мировоззрение казачьего офицерства.

Значительный интерес представляют рассуждения автора о политических убеждениях Дутова. Автору удалось показать его серьезным и основательным политиком, кредо которого невозможно обозначить каким-нибудь одним термином: «реакционером», «консерватором» или «либералом». Скорее напрашивается сравнение Дутова с другими вождями антибольшевистски настроенного казачества, возможно, уместно говорить о своеобразной форме «казачьего демократизма», который, полагает автор, исповедовал Дутов.

Ганин изображает своего героя как патриота России, человека стремившегося к возрождению русской государственности в ее прежнем величии. Вместе с тем он подчеркивает, что в сложных условиях гражданской войны Дутову приходилось лавировать между разными политическими силами, стремясь получить помощь для своего войска отовсюду. Однако атаман не «метил в Наполеоны», а, напротив, подчеркнуто демонстрировал свою лояльность по отношению к М.В. Алексееву и А.В. Колчаку, которые пользовались всероссийской известностью. Свои личные амбиции атаман не противопоставлял интересам

общего дела борьбы с большевизмом, о чем пишет автор монографии. Последнему удалось уточнить некоторые моменты, которые, казалось бы, достаточно исследованы в исторической литературе. Речь идет, в частности, о корниловском выступлении, активным фигурантом которого был Дутов. Автор вскрывает также причины стремительного превращения Дутова в самостоятельную политическую фигуру, рассказывает о его взаимоотношениях с другими вождями антибольшевистского сопротивления, подробнейшим образом повествует об истории военного, государственного и культурного строительства на территории Южного Урала.

Каждая из многих проблем, затронутых Ганиным в рецензируемой монографии, трактуется им нетривиально. Анализируя сообщаемые им фактические данные, автор приходит к научно выверенным и объективным выводам.

Из содержания книги становится понятным, почему дело атамана Дутова завершилось поражением и личной трагедией для этого человека. Автору удалось показать закономерность этого процесса. Вместе с тем монография Ганина дает возможность обогатить знания о гражданской войне в целом и о том, как она протекала на востоке России. Книга А.В. Ганина является заметным вкладом в современную историографию рассматриваемой проблемы.

А.С. ПУЧЕНКОВ

Имперская Россия. Classical Russia. 1700—1825. Т. 1. 2006.
Пер. Д.А. Опарина (МГУ им. Ломоносова, исторический факультет).

В США в начале 1980-х годов книжные магазины были переполнены книгами, посвященными России. В настоящее время положение изменилось. На книжных полках магазинов, к сожалению, книги по российской истории уместаются всего на одной или двух полках.

В этой радикально изменившейся обстановке можно лишь приветствовать выход в свет нового журнала по русской истории. «Имперская Россия. Classical Russia. 1700—1825» — замысел Чарльза Шлэкса и Елены Марасиновой. Само двуязычное название этого журнала отражает его межнациональные истоки. Чарльз Шлэкс — американец, живущий в Калифорнии, который в течение нескольких десятилетий основал множество важных научных журналов по различным аспектам прошлого России. Вероятно, самими известными из них являются «Canadian American Slavic Studies» и «Russian History». Кроме того, Шлэкс издает журналы, посвященные творчеству

Достоевского, Серебряному веку, эпохе нэпа, российским писателям-эмигрантам, русской музыке и кинематографу, а также несколько альманахов по истории Центральной и Восточной Европы. Это поистине впечатляющая деятельность одного человека, которому многие специалисты по русской истории и культуре выражают свою искреннюю признательность.

Несколько лет назад Шлэкс предложил Е. Марасиновой начать издавать журнал, посвященный эпохе русского XVIII века. Марасинова, научный сотрудник Института российской истории РАН, пишет в своем вступлении к первому номеру журнала, что она отнеслась скептически к этой идее, во многом потому, что на тот момент уже существовало два издания, посвященных этой тематике: «XVIII век», издаваемый Институтом русской литературы (Пушкинский дом) с 1935 г., и бюллетень по изучению России XVIII в., выходящий в Великобритании.